

УДК 81'1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-70-76

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫМЫШЛЕННОГО (ХУДОЖЕСТВЕННОГО) МИРА ТВОРЯЩИМ СУБЪЕКТОМ

© Елена Карташова, Алексей Михеев

REPRESENTATION OF A FICTIONAL (ARTISTIC) WORLD BY A CREATIVE SUBJECT

Elena Kartashova, Alexey Mikheev

The article is an overview of the current and controversial topic concerning the consideration of the author as a creative person who creates a fictional artistic world. The article is theoretical in nature, as it is directly devoted to describing the concept of text analysis with a focus of research attention on the study of a linguistic personality. The purpose of the work is to determine an approach to analyzing the processes of creating works of art and modeling fictional artistic worlds.

The work rethinks and complements the concept of describing a linguistic personality proposed by Yu. Karaulov. The novelty of the work is determined by the shift in focus from attempts to interpret and describe the result of linguocreative activity to the study of the processes that determine it. The change in the subject in the paradigm of linguistic personality research allows us to expand the boundaries of the theory's applicability, to formulate a more effective methodology in the interdisciplinary space, adapted to modern research into human consciousness.

Further development of this approach to the text analysis and accumulation of empirical data in the future will allow formulating an adaptation theory of text, which is currently being developed by the research team. The results of this work have interdisciplinary potential for use not only in linguistics, general text theory, pragmatics, psycholinguistics, but also in the subject area of cognitive sciences.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic picture of the world, linguistic personality, creative subject, artistic world, anthropocentric paradigm, text, interpretation

Статья представляет собой обзор актуальной и дискуссионной темы рассмотрения автора как творящей личности, создающей вымышленный художественный мир. Статья носит теоретический характер, так как посвящена непосредственно описанию концепции анализа текста с фокусировкой исследовательского внимания на изучении языковой личности. В ней формируется подход к анализу процессов моделирования вымышленных художественных миров.

В работе дополняется концепция обобщающего описания языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Новизна работы определяется смещением фокуса внимания с попыток интерпретации и описания результата лингвокреативной деятельности на изучение детерминирующих ее процессов. Изменение предмета в парадигме исследований языковой личности позволяет расширить границы применимости теории, сформулировать более эффективную методологию в междисциплинарном пространстве, адаптированную к современным исследованиям человеческого сознания.

Дальнейшая проработка данного подхода к анализу текста и накопление эмпирических данных в перспективе позволит сформулировать адаптационную теорию текста, разрабатываемую исследовательским коллективом в данный момент. Результаты этой работы имеют междисциплинарный потенциал использования не только в лингвистике, общей теории текста, прагматике, психолингвистике, но также в предметной области когнитивных наук.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, языковая личность, творящий субъект, художественный мир, антропоцентрическая парадигма, текст, интерпретация

Для цитирования: Карташова Е., Михеев А. Репрезентация вымышленного (художественного) мира творящим субъектом // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 70–76. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-70-76

Формирование когнитивной лингвистики и в целом антропоцентрической научно-исследовательской парадигмы в конце XX века позволило по-новому осмыслить такие основополагающие категории, как языковая картина мира, языковая личность, субъект творческой деятельности: «Знание о языке и знание языка складывается в одну целостную модель картирования мира, в ней инвентаризируется все, что было накоплено говорящим на этом языке» [1, с. 4]. Вместе с тем, как считают современные исследователи (В. А. Маслова, В. В. Целищев, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев и др.), одновременно в семантическом пространстве языка существуют «иные (художественные) миры», созданные творческими личностями, отражающими когнитивный опыт познания действительности отдельным субъектом или языковым коллективом. Изучение художественных миров в настоящее время является актуальной проблемой целого ряда наук (когнитивистики, психолингвистики [2], лингвокультурологии, лингвистической прагматики, лингвистики дискурса), что отражается в используемой терминологии: «возможные миры», «вымышленные миры», «воображаемый мир», «реальность нереального», «индивидуально-художественный мир», «мир литературного вымысла», «ментальный мир» и другие. Для данного исследования актуальным будет термин «вымышленный» мир. По мнению Н. В. Черемисиной, «изучение способов представления мира или множества миров в языке интересно не только для индивидуально-художественной картины мира, но и для выяснения особенностей национальной картины мира» [3, с. 111].

Актуальность и новизна данного исследования, базируясь на общих положениях антропоцентрической парадигмы анализа художественного текста, определяются изучением текста и языка как инструмента исследователя, с помощью которого интерпретируются интенции субъекта творческой деятельности. При таком подходе предметом исследования становится не замысел автора, а сам автор как языковая личность, творящий субъект, «творящее сознание» [4], актер, то есть как функционирующее лингвокреативное сознание, выражающееся через язык. Такой подход оставляет за собой широкое перспективное поле, формирующееся в многогранном междисциплинарном пространстве, где текст и логика его интерпретации рассматриваются «эволюционистски», то есть как адаптивная реакция на вызовы внешней среды, опираясь не только на анализ смысла на уровне использования языка, но и в большей мере на способы репрезентации творящего субъекта. Понятие «тво-

рящего субъекта» терминологически квазисинонимично тому, что в когнитивной науке определяется как «языковая личность».

Структура языковой личности, ее фундаментальные уровни и примерные модели описания в отечественной лингвистике разработаны Ю. Н. Карауловым. По мнению ученого, «полное описание языковой личности в целях ее анализа и синтеза предполагает: а) характеристику семантико-строенового уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя)» [5, с. 43]. Здесь речь идет об описании так называемого «нулевого уровня» языковой личности, включающего «системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период» [Там же]. Следующий уровень, «первый» или «тезаурусный», включает «социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, т.е. идеологические отношения основных понятий в картине мира» [Там же]. Описание уровня предполагает: «б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования)» [Там же]. Нетрудно заметить, что ни описание нулевого, ни первого уровня пока не имеет непосредственного отношения к описанию собственно языковой личности, фокусируясь на определении ее контекста: во-первых, это язык, во-вторых, это социокультурная среда, иерархия ее ценностных элементов в картине мира. Говоря о переходе между уровнями, исследователь отмечает, что ключом к нему «должна быть экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с „историей“ языковой социализации данной личности, „историей“ ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в отношении жизненно важных понятий, идей, представлений, „историей“ их усвоения и присвоения в процессе социализации» [Там же, с. 40–41]. Это утверждение ставит под вопрос саму возможность составления гипотетического описания. Такой полноты экстралингвистической информации, пожалуй, нет ни об одном авторе, ни об одной эпохе, даже о самых изученных и письменно зафиксированных. При этом та историческая и биографическая информация, которую можно найти, не всегда совершенна, так как выражает интерпретационные способности и интенции «биографов». Экстралингвистическая информация, безусловно, со-

проводит текст большинства сколько-нибудь известных авторов, но следует принимать во внимание, что ее количество и качество не позволяют составить достаточно полной картины о столь обширном контексте. Модель окружающего «мира» автора неизбежно будет наивной, составленный на ее основе «портрет» личности, как следствие, окажется «рудиментарным», чтобы быть действительно полезным в понимании лингвокреативного авторского сознания. Кроме того, можно составить представление о культурно-исторической эпохе, однако сложнее определить, какая ее «часть» непосредственно воздействует на автора. В большинстве случаев такая логика априори искажает результаты экстралингвистического описания, а потому спорным представляется столь акцентированное внимание на данный источник информации. Социокультурный контекст эпохи не всегда соотносим с конкретной языковой личностью, которая, к примеру, может быть замкнутой, интровертной, погруженной в собственную картину мира, не совпадающую с историческим, культурным и даже языковым сообществом, так как, к примеру, исповедует несвойственные для своей эпохи представления о мире. С нашей точки зрения, однако, тезаурусный уровень может быть отчасти восстановлен через концептуализацию интертекстуальных связей (в широком смысле) текстов автора [6]. В ближайшей перспективе такие исследования могут проводиться с помощью машинного обучения и нейросетевых технологий, которые, между прочим, в генеративных языковых моделях оперируют той же алгоритмической и вполне способны уже сейчас распознавать скрытые отсылки (явные и неявные, умышленные и неумышленные), связующие разные тексты, лучше отдельного исследователя. Создать такой «антиплагиат», который будет не только «подсвечивать» интертекстемы, но и распределять, классифицировать и давать необходимый набор измеримых показателей, уже не вопрос времени, поскольку технологии к этому готовы, но остается вопрос желания. Таким образом, мы соглашаемся с практической необходимостью определения тезаурусной базы языковой личности, но опора на методы исследования интертекстуальности, на наш взгляд, позволит получить лучший результат.

Обратимся к наиболее интересному, значимому «второму» или «мотивационному» уровню. Здесь снова языковая личность определяется своим социальным контекстом, пусть и более узким, описание уровня предполагает: «выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процес-

сах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [5, с. 43]. Анализ второго уровня представляется завершающим, по сути, конечной целью изучения языковой личности, заключающейся в определении ценностных представлений (*жизненных* и *ситуативных*) личности о мире, что близко по своему содержанию к поиску «смысла», заложенного автором в текст, ведь именно в нем эти представления и находят свое выражение. Ранее мы уже отмечали, что определение «социальной истории» через полноту экстралингвистической информации представляется трудновыполнимой задачей. В свою очередь, поиск достаточного количества еще более сфокусированной информации о «социальном функционировании» выглядит вовсе недостижимым, никто не оставляет за собой столь доступного и глубокого информационного следа. Формулируя понятие языковой личности, описывая ее структуру, теория (по крайней мере, исходя из приведенных цитат) опирается на довольно неопределенную методологию, часть которой тяготеет к предметной области истории и литературоведения, часть же вообще кажется нереализуемой. В фокусе внимания оказывается в большей степени результат речемыслительной деятельности, некая модель фрагмента реальности в сознании автора, его «картина мира» и возможная эволюция этих представлений, в конечном счете определяющих его «ценностную иерархию». При этом мы оперируем информацией из собственно текста наравне (или даже в большей степени) с экстралингвистической информацией о контексте (истории и биографии), соотнося «контекст» с «личностью» и, через их противопоставление, обнаруживая сходства или уникальные черты. «Смыслы», вокруг которых формируются тексты автора, в совокупности с языковыми способностями определяются эквивалентом его языковой личности. «Характеристика языковой личности производится языковой личностью, которой является сам исследователь, таким образом интерпретация анализируемой языковой личности, особенно в области изучения мотивационного уровня, неизбежно будет преломляться призмой сознания, языкового опыта и языковых способностей самого интерпретатора [7, с. 426].

С нашей точки зрения, в центре изучения должен находиться не только «смысл», не только *результат*, но *процесс*, то есть источники и принципы функционирования лингвокреативного сознания в тексте, эволюция формирования представлений о мире творящего субъекта, что и будет определять собственно «мотивационный уровень». Исследование должно полагаться на ин-

формацию, извлекаемую из текста, выступающего проводником к этому сознанию. Нулевой уровень исследуется на базе собственно лингвистической методологии. Первый (тезаурусный) уровень может исследоваться в междисциплинарной области истории, литературоведения и лингвистики в рамках методологии теории интертекстуальности, как уже отмечалось выше. Изучение ценностной картины мира (смысла, интенций автора) может изучаться здесь же через выраженное отношение автора к тем или иным упоминаемым фактам внешней по отношению к нему действительности. Изучение мотивационного уровня («прагматикона») должно опираться на междисциплинарную область, где лингвистика может изучать текст и язык с опорой на понимание актуальных исследований психологии, антропологии, нейробиологии, фундаментальной теории мозга, когнитивистики, формируя здесь собственную методологическую базу. Предметом исследования в сфере теории языковой индивидуальности, в свою очередь, могут быть, к примеру, стимулы и адаптивные реакции моделируемой среды вымышленного мира в тексте, проявления когнитивных искажений / ограничений в тексте и т. п.

Представленные выше рассуждения можно репрезентировать на уровне разработки примерной практической модели (см. рис.1 «Структура вымышленного мира»), раскрывающей логику нашего исследования:

Рис. 1 Структура вымышленного мира

Порождающее текст лингвокреативное сознание моделирует в нем «вымышленный мир», так или иначе соотносимый с реальной средой автора. Среда реального мира, окружающая автора и знакомая ему, проходя через сознание языковой личности, обретает акценты в процессе конструирования вымышленного мира. Иными словами, моделируя среду вымышленного мира, автор оперирует теми элементами среды реальной, выделенными из базы личного опыта, которые представляются ему наиболее значимыми, выступают раздражителями его собственного сознания:

Вымышленный мир предстает перед исследователем как игровая модель, позволяющая структурно воспроизводить фрагмент реальности (ок-

ружающую событийную среду) и соотносить ее с возможными тактиками и стратегиями адаптивного поведения.

Аккант – действующий в среде субъект, противопоставленный ей, обладающий индивидуальным набором характеристик, детерминированных его предшествующим опытом и детерминирующих специфику его адаптивного поведения.

Событийная среда – структура событий вымышленного мира, противопоставленная действующему субъекту, прямо или опосредованно стимулирующая акканта к адаптивным стратегиям поведения.

Стимулы – элементы событий, воспринимаемые аккантом как новый опыт, требующий формирования адекватной вызову речевой и / или поведенческой реакции.

Адаптивное поведение – совокупность ответных на вызовы событийной среды речевых и / или поведенческих реакций (формирование отношения к ним и следующих из него действий либо бездействия) акканта.

Моделирование вымышленных миров носит игровой характер. Совокупность множества моделей событийной среды формирует философскую базу представлений, моделирование адаптивного поведения, что, в свою очередь, формирует этическую базу культурной логики, описывает тактики и стратегии поведения в контексте меняющейся среды. Адекватность этой прикладной адаптирующей базы зависит от таланта и опыта автора вымышленного мира, от которого зависит то, насколько точно структура вымышленного мира соотносится со структурой новых сторон «сущей» реальности, насколько правдоподобно моделируется поведение субъекта в этой среде.

Моделирующие «вымышленные миры» тексты имеют прикладное значение в реальности, не все из них определяются зрелищностью, но даже зрелище само по себе имеет терапевтическую ценность, так как отвлечение внимания позволяет снизить остроту реального раздражителя.

Сталкиваясь с неким новым опытом в реальности, автор моделирует какой-либо фрагмент мира, вызвавший в его собственном сознании эмоции, экспрессию и рефлексию. С одной стороны, в вымышленном мире моделируется событийная среда, с другой – ей противопоставляется субъект, располагающий определенным набором характеристик, «предустановленных» его опытом. В структуре среды формируются «острые углы», стимулы, диссонирующие с «параметрами» акканта. Диссонанс мотивирует его адаптивные речевые и / или поведенческие реакции, на-

правленные на разрешение / снижение остроты стимула. Ответом среды может быть новый стимул, порождающий новые реакции. Автор не эквивалентен актанту, хотя он может в той или иной степени моделировать себя внутри вымышленного мира. При этом процесс моделирования автором вымышленного мира рассматривается нами как в той или иной степени адаптивное поведение. Наиболее подробно «игровая» концепция культуры представлена в работе Й. Хезинга «Homo ludens» [8]. В этой логике «игра» как вариант рефлексии нового опыта может помочь в его рационализации, усвоении, выработке того или иного отношения и / или стратегии поведения, может являться способом привыкания к этой действительности для снижения остроты реакций и эмоций. Мотивы и результаты могут составить большой вариативный и вероятностный перечень, однако, здесь следует оговориться, что наш фокус внимания больше смещен в сторону языка: на форму и средства репрезентации данных моделей. Ключевыми в исследовании предмета будут являться, очевидным образом, стимулы и адаптивные реакции. Исходя из модели и ключевых понятий, логика исследования может быть следующей:

1) определить формат моделирования событийной среды вымышленного мира. Здесь представляется адекватным применение метода составления семиотических сетей, представления событийной реальности текста в виде семантических графов. Этот метод применялся нами для конструирования онтологических сюжетно-событийных моделей текста для составления корпусной разметки в предметной области компьютерной лингвистики [9];

2) разработать формат описания детерминирующих реакцию параметров. Для этого необходимо создать описательную модель в виде сети взаимосвязанных характеристик;

3) систематизировать принципы выявления стимулов и реакций.

На наш взгляд, именно на этом уровне кристаллизуются принципы адаптивного поведения самого автора, определяющие его языковую личность.

Если первые два пункта касаются предметной составляющей модели, то стимулы и реакции отражают ее функциональную природу. Текст воспринимается в нашей логике моделью тех или иных фрагментов реальности в игровом пространстве вымышленного мира, «возможного» прошлого, настоящего или будущего. В сути игры лежит моделирование, которое в своей основе полагается на абстрагирование, то есть фокусировку на значимых с той или иной точки

зрения параметрах с «вынесением за скобки» того, чем в данном случае допустимо пренебречь. Однако даже в том случае, если наша модель с достаточной для нас точностью совпадает с наблюдениями и позволяет что-либо прогнозировать, оказывается полезной для решения узкого спектра задач, очевидным остается то, что модель никогда не является соразмерной реальности, то есть абсолютно тождественной тому, что она моделирует. Модель – это всегда редуцированное представление об объекте, основанное на базе качественной оценочности (минимально – в определении «значимого» и «не значимого» в пределах выполнимой задачи) и располагаемой базой знаний (неизвестное оказывается недоступным, мы моделируем исходя из базы, определенной существующим опытом).

Если текст понимается как редуцированная модель реальности, то интерпретация читателя, в свою очередь, – это редуцирование редуцированной реальности автора (редуцирование второй степени). Читатель опирается на собственную модель представлений о реальности, которая детерминирует интерпретацию призмой собственного когнитивного и эмоционального опыта. Прочтение составленной читателем, пусть даже весьма опытным, какого-либо текста интерпретации (редуцирование третьей степени) создает еще большую дистанцию от исходно моделируемой реальности, отсюда создается принцип «сломанного телефона» – чем дальше от непосредственного источника, тем более искаженное представление о нем мы получаем. Фокус внимания интерпретирующего неизбежно смещается на элементы ремоделируемого текста, которые будут качественно значимыми для него самого, исходя из его субъективного опыта. Все выходящее за пределы этого опыта редуцируется. В совокупности этот процесс порождает уникальную модель – новую интерпретацию.

Таким образом, эмпирические результаты исследований языковой личности обладают потенциалом дальнейшего перехода в междисциплинарную область, развиваясь в области прагматики. Углубленное изучение языковой личности в перспективе, вероятно, позволит приоткрыть некоторые тайны природы творческого сознания с новой, прежде не исследованной стороны. Актуальность переключения внимания с собственно языка на субъект, «с результата на процесс» в современную эпоху может определяться также возросшим интересом к теме искусственного интеллекта, создание которого в итоге сформирует основу грядущей научно-технической революции. ИИ – не «вещь в себе», но очевидно связанная с изучением проблемной области «естест-

венного» интеллекта [10]. Углубление понимания природы языковой индивидуальности и творимых ею «вымышленных миров», прежде всего, эксплицируется на мотивационном уровне языковой личности, который обладает «обновляющим» потенциалом в социокультурной области, позволяя уточнить представления о процессах формирования культурных парадигм и принципах их смены, то есть культурной эволюции, в том числе в сфере литературно-художественного творчества.

Список источников

1. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.
2. Пузырев А. В. Языковая личность в плане субстратного подхода // Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: [сб. ст.]. Пенза: ПГПУ, 2002. С. 22–28.
3. Черемисина Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические зоны // Филологические науки, 1992. № 2. С.11–117.
4. Махлин В. Л. «Творящее сознание», или М. М. Бахтин между прошлым и будущим // Литературоведческий журнал, 2021. № 54. С. 9–27.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Изд. 7-е. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Егоров Н. С. Рождение автора как междисциплинарная проблема // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2023. № 4. С. 209–217.
7. Ярыгина Е. С., Михеев А. А., Федорова С. Н. Языковая личность и языковая общность: к вопросу о взаимообусловленности частного и общего в языке и лингвистике // Вестник Марийского государственного университета, 2022. Т. 16. № 3. С. 423–429.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
9. Михеев А. А. Семантико-событийная онтология EVENTONTO: базовый терминологический аппарат, процессы разработки и принципы классификации предметных единиц // Международный научно-исследовательский журнал, 2024. № 8 (146). URL: <https://system.cifra.science/publishing/article/13326/> (дата обращения: 10.09 24)
10. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом // Вестник Башкирского ун-та, 2016. № 4. С. 1124–1129.

References

1. Babushkin, A. P. (2001). *“Vozmozhnye miry” v semanticheskom prostranstve yazyka* [“Possible Worlds” in the Semantic Space of Language]. 86 p. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
2. Puzyrev, A. V. (2002). *Yazykovaya lichnost' v plane substratnogo podkhoda* [Linguistic Personality in Terms of the Substratum Approach]. Opyty tselostno-sistemnykh podkhodov k yazykovoi i neyazykovoi real'nosti: sb. st., pp. 22–28. Penza, PSPU. (In Russian)
3. Cheremisina, N. V. (1992). *Semantika vozmozhnyh mirov i leksiko-semanticheskie zony* [Semantics of Possible Worlds and Lexical-Semantic Zones]. Filologicheskie nauki, No. 2, pp.11–117. (In Russian)
4. Makhlin, V. L. (2021). *“Tvoryashcheye soznaniye”, ili M. M. Bakhtin mezhdubudushchim* [“Creative Consciousness”, or M. M. Bakhtin between Past and Future]. Literaturovedcheskii zhurnal. No. 54, pp. 9–27. (In Russian)
5. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost': monografiya* [The Russian Language and Linguistic Personality: A Monograph]. Otv. red. D. N. Shmelev, 7-oe izd. 264 p. Moscow, LKI. (In Russian)
6. Egorov, N. S. (2023). *Rozhdenie avtora kak mezhdisciplinarnaya problema* [The Birth of the Author as an Interdisciplinary Problem]. Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. No. 4, pp. 209–217. (In Russian)
7. Yarygina, E. S., Mikheev, A. A., Fedorova, S. N. (2022). *Yazykovaya lichnost' i yazykovaya obshchnost': k voprosu o vzaimoobuslovlennosti chastnogo i obshchego v yazyke i lingvistike* [Linguistic Personality and Linguistic Community: On the Interdependence of the Particular and the General in Language and Linguistics]. Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 16. No. 3, pp. 423–429. (In Russian)
8. Kheyzinga, Y. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. 464 p. Moscow, Progress. (In Russian)
9. Mikheev, A. A. (2024). *Semantiko-sobyitiynaya ontologiya EVENTONTO: bazovyi terminologicheskii apparat, protsessy razrabotki i printsipy klassifikatsii predmetnykh edinits* [Semantic and Event Ontology EVENTONTO: Basic Terminology, Development Processes and Principles of Subject Unit Classification]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. No. 8 (146). (In Russian)
10. Kudryashev, A. F., Elkhova, O. I. (2016). *Protsess tvorchestva v sistemakh s iskusstvennym intellektom* [The Process of Creativity in Systems with Artificial Intelligence]. Vestnik Bashkirskogo un-ta. No. 4, pp. 1124–1129. (In Russian)

The article was submitted on 22.10.2024
Поступила в редакцию 22.10.2024

Карташова Елена Павловна,
доктор филологических наук,
профессор,
Марийский государственный университет,
424000, Россия, Йошкар-Ола,
Пушкина, 30.
elena.karta77@mail.ru

Михеев Алексей Анатольевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Марийский государственный университет,
424000, Россия, Йошкар-Ола,
Пушкина, 30.
elena.karta77@mail.ru

Kartashova Elena Pavlovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Mari State University,
30 Pushkin Str.,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
elena.karta77@mail.ru

Mikheev Alexey Anatolievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Mari State University,
30 Pushkin Str.,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
elena.karta77@mail.ru